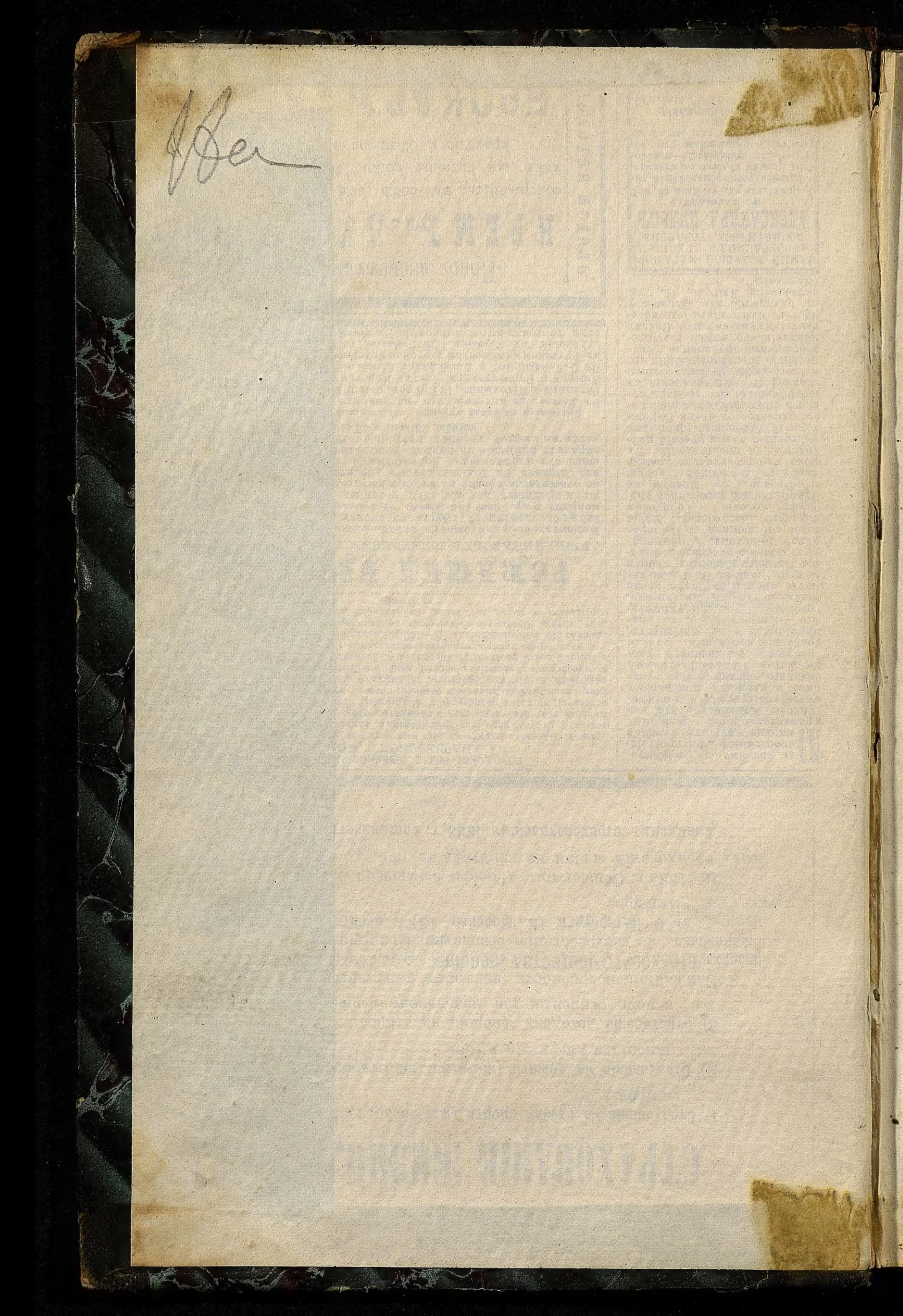
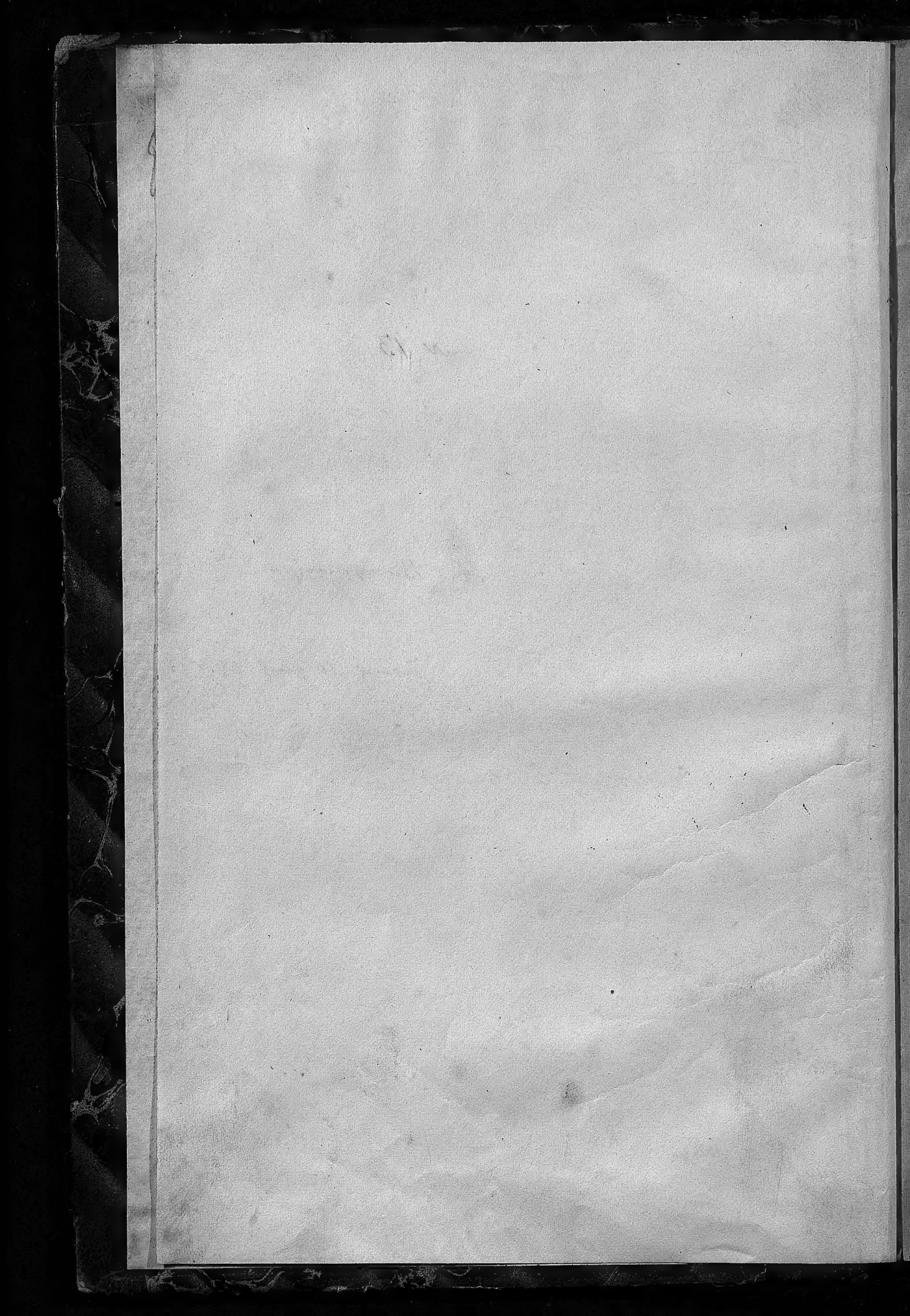

MD10 1058

№ 13

А. Владимира.

Іюля 10 дня 1888 г.

Его Высокопреподобію,
О. Владиміру,
Ректору Моск. Син. би—
бл. отъ автора.

СВВ. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ

И

СОВЕРШЕННЫЙ ИМИ ПЕРЕВОДЪ СВ. ПИСАНІЯ.

Читано въ торжественномъ собраніи Императорскаго
Казанскаго Университета, 6 апрѣля 1885 года,

Экстра-Ординарнымъ Профессоромъ

А. С. Архангельскимъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Казанскаго Университета.
1885.

СВВ. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ

И

СОВЕРШЕННЫЙ ИМИ ПЕРЕВОДЪ СВ. ПИСАНІЯ.

Читано въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 6 апрѣля 1885 года,

Экстра-Ординарнымъ Профессоромъ

А. С. Архангельскимъ.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Казанскаго Университета.
1885.

Изъ „Ученыхъ Записокъ" Императорскаго Казанскаго Университета

за 1885 годъ.

СВВ. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ

и

СОВЕРШЕННЫЙ ИМИ ПЕРЕВОДЪ СВ. ПИСАНІЯ.

(Читано въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 6 апрѣля 1885 года).

Воспоминаніе великихъ, славныхъ моментовъ народнаго прошлаго всегда имѣетъ освѣжающее значеніе. Отъ мелочей обыденной, ежедневной жизни оно обращаетъ вниманіе общества на высокія историческія задачи народа, вызываетъ и поддерживаетъ энергію въ достиженіи этихъ задачъ, если онѣ еще не достигнуты, — уясняетъ народу смыслъ настоящаго, подсказываетъ возможное будущее... Никогда еще славянскій міръ, и въ частности русскій, не сопровождали своихъ историческихъ воспоминаній такимъ общимъ воодушевленіемъ, такимъ широкимъ подъемомъ религіознаго и племенного духа—какъ сегодняшнее. Нѣсколько дней тому назадъ тысячи западныхъ славянъ стекались въ Велеградъ ко гробу почившаго Меѳодія; рядъ религіозныхъ и національныхъ празднествъ совершается въ Прагѣ и въ другихъ славянскихъ центрахъ. Въ настоящій день смерть одного изъ славянскихъ апостоловъ вспоминаетъ вся Россія... Тысячи народа, самаго различнаго возраста и состоянія, въ церкви и школѣ, по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ русскимъ—слушаютъ въ настоящій часъ разсказъ о жизни и трудахъ славянскихъ просвѣтителей. Передъ тысячами русскихъ дѣтей

въ настоящую минуту, можетъ быть, впервые проносится многострадальная жизнь славянскихъ братьевъ-апостоловъ и въ дѣтскихъ сердцахъ, можетъ быть, впервые — пробуждается сочувствіе и любовь къ этимъ св. братьямъ... Тысячелѣтняя годовщина смерти одного изъ нихъ невольно пробуждаетъ и въ нашей памяти цѣлый міръ историческихъ воспоминаній, неудержимо вызываетъ передъ нами всю исторію тысячелѣтняго прошлаго славянъ,—такъ живо и ярко концентрируются въ эпохѣ и обстоятельствахъ жизни славянскихъ просвѣтителей всѣ тѣ историческіе факторы, которые являются дѣйствующими и во всей послѣдующей политической жизни славянъ.

Въ своемъ очеркѣ я исключительно остановлюсь на этой далекой эпохѣ. Я ограничусь напоминаніемъ вамъ важнѣйшихъ фактовъ жизни свв. братьевъ и характеристикой величайшаго труда ихъ жизни — совершеннаго ими перевода св. Писанія на славянскій языкъ. Иногда перечисленіе однихъ фактовъ можетъ сказать очень многое...

Свѣдѣнія о дѣтствѣ и первой порѣ жизни славянскихъ просвѣтителей—до прибытія ихъ въ Моравію—въ дошедшихъ источникахъ кратки и сбивчивы. По своему происхожденію, они принадлежали къ знатной греческой семьѣ города Солуня, и получили блестящее образованіе, особенно младшій изъ нихъ, Константинъ. Взятый, послѣ смерти своего отца, 15 лѣтъ, родственникомъ своимъ логофетомъ Ѳеоктистомъ въ Константинополь ко двору, Константинъ росъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ, только что передъ этимъ вступившимъ на престолъ, и вмѣстѣ съ нимъ имѣлъ своими наставниками лучшихъ представителей тогдашней византійской науки, и въ числѣ ихъ—будущаго патріарха, Фотія... Меѳодій былъ старшій изъ братьевъ. Сначала онъ служилъ въ военной службѣ, и сдѣланъ былъ даже правителемъ одной славянской области, управлялъ ею около 10 лѣтъ;

но потомъ—„узрѣ многы молвы безчисленны въ житіи семъ, преложи земныя тьмы волею на небесныя мысли“,—оставилъ службу, удалился на гору Олимпъ, въ одну изъ уединенныхъ болгарскихъ мѣстностей, принялъ здѣсь иночество и весь отдался занятію науками. Вскорѣ пришелъ сюда и младшій его братъ, Константинъ. Блескъ придворной жизни мало плѣнялъ его, и какъ только кончились годы ученія, Константинъ, не взирая ни накакія блестящія предложенія, покинулъ придворную сферу, принялъ санъ священника и занялъ мѣсто библіотекаря столичной патріаршей библіотеки. Больше всего стремясь къ уединенной, созерцательной жизни, онъ сдѣлалъ было даже попытку скрыться въ одномъ отдаленномъ монастырѣ; его долго искали, но все же нашли, и прежнія придворныя связи снова заставили его вернуться въ столицу: ему поручили должность придворнаго философа—„учительскій санъ, учити философіи своя земця и странныя“. Философы причислялись тогда къ придворнымъ чинамъ. Въ это время онъ былъ еще очень молодъ,—„юнъ возрастомъ“, по замѣчанію его древняго біографа. Скоро однако, какъ было упомянуто, онъ совсѣмъ оставилъ столицу и ушелъ на Олимпъ, къ своему брату... „И начатъ жити, говоритъ древнее житіе, и молитву творити безпрестанно къ Богу, токмо книгами бѣсѣдуя“.

Наклонность къ религіозной, созерцательной жизни, вѣроятно, положена была въ будущихъ славянскихъ просвѣтителяхъ еще съ дѣтства. По крайней мѣрѣ, въ Константинѣ рано стало сказываться будущее призваніе апостола. По свидѣтельству его древняго біографа, онъ рано сталъ выдѣляться въ кругу остальныхъ дѣтей. Въ немъ рано стала сказываться жажда знанія и, еще ребенкомъ, онъ пристрастился къ духовнымъ книгамъ. Особенно увлекали его творенія св. Григорія Назіанзина (род. 326 г., † 389),—этого величайшаго богослова, оратора и поэта христіанской церкви. Еще юношей, начертивши на стѣнѣ своей комнаты крестъ, Констан-

тинъ пишетъ, обращаясь къ своему великому наставнику: „Святитель Христовъ Григорій! твои уста, подобно устамъ Серафима, прославляютъ Бога и, подавая правую вѣру, озаряютъ цѣлый міръ. Прими меня въ число учениковъ твоихъ ради моей вѣры и любви; я весь тебѣ преданъ,—будь моимъ путеводителемъ и моимъ учителемъ“... Очень можетъ быть, что творенія св. Григорія не остались безъ вліянія и на старшаго брата Константина, Меѳодія. Можетъ быть, уже здѣсь свв. братья почерпнули впервые идеалъ своей будущей апостольской дѣятельности. Для св. Григорія Назіанзина сфера науки и литературнаго труда казалась всегда лучшей сферой человѣческой дѣятельности, высшей цѣлью, вѣчнымъ идеаломъ жизни и труда вообще. Онъ хотѣлъ служить Богу лучшимъ свойствомъ человѣческой природы—даромъ слова. „Сей даръ приношу я Богу моему, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, сей даръ посвящаю Ему; это одно, что осталось у меня и чѣмъ я богатъ,—отъ всего прочаго я отказался..... Все, что не имѣлъ, я отдалъ за эту драгоцѣнную жемчужину. Только словомъ владѣю я, какъ служитель Слова. Никогда добровольно не хотѣлъ бы я пренебрегать этимъ богатствомъ, я уважаю его, дорожу имъ, утѣшаюсь имъ болѣе, чѣмъ другіе утѣшаются всѣми сокровищами міра. Оно—спутникъ моей жизни, добрый совѣтникъ и собесѣдникъ, вождь къ небу, усердный помощникъ“...

Мы не будемъ говорить о различныхъ миссіонерскихъ трудахъ, которые въ эту первую, до-моравскую, пору жизни славянскихъ просвѣтителей, поручались византійскимъ правительствомъ сначала одному Константину, а потомъ и обоимъ братьямъ. Но нельзя не обратить вниманія на то, что уже очень рано въ этихъ первыхъ подготовительныхъ трудахъ свв. братьевъ становятся замѣтными—хотя по дошедшимъ источникамъ не совсѣмъ ясно и опредѣленно—ихъ отношенія къ славянскому міру. Уже самое мѣсто ихъ родины, городъ Солунь, сплошь населеленъ былъ славянскимъ

населеніемъ; нѣкоторые источники (впрочемъ, позднѣйшіе) даже самихъ братьевъ считаютъ славянами. Славянскій языкъ могъ быть съ дѣтства имъ знакомъ,—хотя полное знаніе его они пріобрѣли, повидиному, лишь впослѣдствіи, особенно Константинъ, который рано былъ увезенъ въ Константинополь. Меѳодій могъ гораздо раньше вполнѣ овладѣть славянскимъ языкомъ; древнее житіе его, сообщая о томъ, что онъ впродолженіи 10 лѣтъ былъ правителемъ грекославянской области, прибавляетъ: „сіе же по смотрѣнію Божїю, — да научится языка славянска“... Какъ бы то ни было, сближая дошедшія до насъ историческія свидѣтельства о первомъ періодѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, — нельзя не замѣтить, что уже очень рано славянскія племена стали предметомъ ихъ особыхъ заботъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, самое путешествіе свв. братьевъ въ Хозарію имѣло своею основною цѣлью проповѣдь среди жившаго тамъ славянскаго населенія. Извѣстно, что въ IX—X вв. въ предѣлахъ Хозарскаго царства жили многія славянскія племена. Что свв. братьямъ въ этомъ путешествіи къ Хозарамъ дѣйствительно для чего-то нуженъ былъ славянскій языкъ,— на это есть прямое историческое указаніе: въ одномъ житіи Меѳодія, при сообщеніи объ этомъ путешествіи, замѣчается, что отправляясь къ Хозарамъ „Кириллъ умоли брата своего Меѳодія ити съ собою, яко умѣяше языкъ словеньскъ“. Въ одномъ изъ житій Константина сохранилось еще болѣе драгоцѣнное для насъ указаніе. Въ житіи сообщается, что еще гораздо раньше, еще до путешествія къ Хозарамъ, Константинъ уже занимался проповѣданіемъ христіанства среди славянъ,—на своей родинѣ, въ Македоніи, населеніе которой тогда было сплошь славянское; въ памятникѣ точно указывается мѣсто этой начальной проповѣди Константина, именно Брегальница, мѣстность въ Македоніи, гдѣ протекаетъ рѣчка Брегальница, носящая до сихъ поръ это названіе; въ па-

мятникѣ замѣчается, далѣе, что вмѣстѣ съ устной проповѣдью македонскимъ славянамъ, Константинъ тогда же „написалъ имъ книги словеньскыимъ езыкомъ“... Чрезвычайно важнымъ также историческимъ указаніемъ является для насъ глухое упоминаніе паннонскихъ житій о встрѣченныхъ славянскими апостолами, на ихъ пути въ Хозарію, евангеліи и псалтыри — „русьскыми письмены писанныхъ“. Фактъ на столько важенъ, что я приведу подлинныя слова древняго памятника: житіе разсказываетъ, что на пути въ Хозарію, свв. братья имѣли продолжительную остановку въ Корсуни — и Константинъ „обрѣте ту евангеліе и псалтирь русьскыми письмены писано, и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи пріимъ, своей бесѣдѣ прикладая различныя письмена, гласныя и согласныя, и къ Богу молитву творя, вскорѣ начатъ чести исказати“... До сихъ поръ остаются загадочными упоминаемыя здѣсь „русьскыя письмена“. Что разумѣть подъ ними? Изслѣдователи приходили по этому поводу къ самымъ различнымъ предположеніямъ и догадкамъ. Но, кажется, на дѣло нужно смотрѣть нѣсколько проще. Не мѣшаетъ приведенное мѣсто древняго памятника сопоставить съ другимъ свидѣтельствомъ, столь же, если еще не болѣе, древнимъ. Разумѣю извѣстное свидѣтельство черноризца Храбра. „Прежде оубо словене — говоритъ онъ — не имѣхѵ книгъ, нъ чрътами и рѣзами чьтѣхѵ и гатаахѵ, погане сѵще. крестивше же сѧ, римьскыми и грьчьскыми письмены нѵждаахѵ сѧ писати словеньскѵ рѣчь... потомъ же человѣколюбецъ Богъ, строѧи вьсѧ, и не оставлѣѧ человѣча рода безъ разоума, нъ вьсѧ къ разоумоу привода и спасенію, помиловавъ родъ словеньскъ, посла имъ святаго Константина философа, нарицаемаго Кирила, мужа праведна и истинна, и сотвори имъ писмена три десяте и осмь, ова оубо по чиноу грьчьскыхъ письменъ, ова же по словеньстѣй рѣчи“... Не есть

ли "русьскыя письмена" паннонскаго житія—руническія черты и рѣзы, о которыхъ говоритъ Храбръ? Славяне имѣли издревле руническія письмена; кромѣ свидѣтельства Храбра, объ этихъ письменахъ упоминаетъ *Chronicon Paschale* (Qui vero suas norunt literas, hi sunt: Cappadoces... Sarmatae... scythae... ed. Bonn, I, 48. *Гедеоновъ*, Варяги и Русь, II, прим. 292). Арабскіе же писатели даже прямо говорятъ о русскомъ письмѣ („руссы... имѣютъ письмо, которое нарѣзывается на деревѣ"...). Кто знаетъ, можетъ быть, какой нибудь русинъ, жившій въ Корсуни, исповѣдывавшій христіанство и знавшій греческій языкъ, сдѣлалъ попытку, лично для себя, перевести съ греческаго нѣсколько отрывковъ евангелія и псалтыри (переводъ отрывковъ легко могъ быть принятъ авторомъ „житія" за полный переводъ книгъ) — переложилъ ихъ на свою родную русскую (славяно-болгарскую) рѣчь и написалъ переводъ извѣстными ему и употреблявшимися тогда у славянъ руническими „чертами и рѣзами"; при встрѣчѣ съ ученымъ миссіонеромъ, можетъ быть, уже извѣстнымъ своею проповѣдью среди македонскихъ славянъ, русинъ могъ показать ему свой опытъ?.. При общемъ знакомствѣ съ славянскою рѣчью, научиться „русьскымъ письменамъ" св. Константину было не трудно, и не удивительно, что онъ „вскорѣ начатъ (русьскыми письмены) чести и сказати",—но, съ другой стороны, это дѣло все же требовало отъ него извѣстнаго труда, чтобы „силу рѣчи принять", сблизить ее съ болѣе извѣстнымъ ему нарѣчіемъ македонскихъ славянъ, а также войти въ духъ употребленныхъ „чертъ и рѣзъ"... Преданіе объ изученіи св. Кирилломъ „русьскыхъ письменъ", особенно дорого для насъ, русскихъ: оно указываетъ на раннее соприкосновеніе славянскихъ просвѣтителей не только съ общеславянскимъ, но и въ частности съ русскимъ міромъ древняго юга Россіи...

Какъ бы то ни было, всѣ сейчасъ приведенныя нами и разбросанныя въ источникахъ свидѣтельства и замѣтки — ясно говорятъ намъ, что мысль о христіанскомъ просвѣщеніи славянъ могла уже давно зародиться у свв. братьевъ, что проповѣдь христіанства среди славянъ, переводъ богослужебныхъ книгъ могли сдѣлаться для братьевъ-миссіонеровъ уже давно главнымъ дѣломъ жизни—и что вообще путешествіе ихъ въ Моравію и дѣятельность ихъ среди моравскихъ славянъ совсѣмъ не было для нихъ какимъ либо случайнымъ фактомъ...

Отправленіе въ Моравію было важнѣйшимъ моментомъ въ жизни славянскихъ апостоловъ. По возвращеніи изъ путешествія къ Хозарамъ, свв. братья застали въ Константинополѣ посольство отъ моравскаго князя Ростислава. „Ростиславъ, моравскій, князь — читаемъ въ древнѣйшемъ житіи Константина—Богомъ научаемъ, совѣтъ сотвори съ князи своими и съ моравляны, посла къ царю Михаилу, глаголя: людемъ нашимъ, поганьства ся отвергшимъ и по христіанескъ ся законъ держащимъ, учителя не имамы таковаго, иже бы ны въ свой языкъ истую вѣру христіанскую сказалъ.. Да посли ны, владыко, епископа и учителя таковаго“. Послѣ совѣта съ патріархомъ и духовенствомъ, царь избралъ на это дѣло только что возвратившихся свв. братьевъ: „вы бо еста солунянина, сказалъ имъ царь,—солуняне всѣ чисто словеньскы бесѣдують“... Братья не безъ колебаній приняли новое порученіе; очень возможно, что колебанія происходили изъ боязни ожидаемыхъ столкновеній, въ новой сферѣ дѣятельности, съ западнымъ духовенствомъ, такъ какъ Моравская область давно уже находилась въ оффиціальномъ вѣдѣніи римской церкви. Дальнѣйшая исторія жизни и дѣятель-

ности славянскихъ просвѣтителей вполнѣ оправдала эти колебанія.. Уступая убѣжденіямъ императора и патріарха, братья рѣшились принять предложеніе, и отправились въ Моравію..

Прибытіе моравскаго посольства въ Константинополь и начало просвѣтительной дѣятельности славянскихъ апостоловъ въ Моравіи относится къ концу 862 — началу 863 гг. Это было время, когда Моравія вела упорную борьбу съ нѣмцами за свою независимость, и обѣщала быть могущественнымъ славянскимъ государствомъ. Моравія становится извѣстною съ VIII вѣка; въ это время мы видимъ ее въ ленныхъ отношеніяхъ къ нѣмецкой имперіи. Съ первыхъ годовъ IX вѣка, она открыто стремится къ политической самостоятельности, и съ этого момента начинается продолжительная борьба славянскихъ моравскихъ князей съ нѣмецкимъ императоромъ. Моравія IX вѣка представляла довольно обширную площадь; она занимала пространство, ограниченное на сѣверѣ Чехіей и Силезіей, на востокѣ карпатскими горами до Буга, на югъ Марошью, Тиссой, Дунаемъ и Дравой, до впаденія въ нее Мура, на западъ линіей, идущей отъ устья Мура на сѣверъ къ Пресбургу, захватывая Низедлерское озеро. Кромѣ того, къ Моравскому же княжеству принадлежали: на сѣверѣ область Нитранская, на югѣ— Паннонская. Столица Моравскаго княжества находилась въ Дѣвинѣ, или Велеградѣ, нынѣшнемъ Градищѣ. Начало политическому усиленію Моравіи положено было Мойміромъ, въ первой четверти IX ст. Правда, за свою попытку къ отдѣленію отъ нѣмецкаго владычества онъ потерялъ престолъ (въ 846 г.), но преемники Моиміра, Ростиславъ и Святополкъ, продолжали начатое имъ дѣло. Сдѣлать моравскій народъ независимымъ, дать ему политическое могущество — Ростиславъ поставилъ задачей своей жизни. Онъ укрѣпилъ свою землю крѣпостями, завязалъ дружественныя сношенія съ Болгарами, и объявилъ открытую борьбу нѣмцамъ. Трудно

было въ началѣ предвидѣть ея исходъ; но крайне неудачный походъ въ 855 году нѣмецкаго императора въ Моравію рѣшилъ дѣло: Моравія сдѣлалась фактически независимой. Борьба еще не была совсѣмъ окончена, но моравскіе славяне могли уже теперь вздохнуть свободно... Для большаго упроченія политической самостоятельности, Ростиславъ рѣшился и римское нѣмецкое духовенство Моравіи замѣнить природнымъ славянскимъ или покрайней мѣрѣ болѣе нейтральнымъ греческимъ,—которое бы знало славянскій языкъ и могло преподать народу правила вѣры на родномъ, понятномъ для него языкѣ. Найти такое духовенство въ тогдашней византійской имперіи, весьма густо населенной славянами, было не трудно. Съ этой цѣлью онъ и отправилъ въ Константинополь упомянутое посольство, — результатомъ котораго было прибытіе въ Моравію свв. Константина и Меѳодія... Впрочемъ, помимо политическихъ соображеній, посольство Ростислава въ Константинополь могло вызываться и чисто церковными нуждами. Необходимо замѣтить, что христіанство хотя и существовало въ Моравіи съ давнихъ поръ, принесенное сюда нѣмецкимъ духовенствомъ, которое не замедлило тотчасъ же устроить въ новой странѣ и нужную духовную администрацію, — но къ народу прививалось вообще очень слабо. Нѣмецкіе патеры, незнакомые съ туземнымъ языкомъ, мало приносили пользы народной массѣ, да, кажется, мало и заботились объ этомъ. На майнцкомъ соборѣ, въ 852 году, моравскому латинскому духовенству прямо ставится на видъ его небреженіе о паствѣ—христіанство которой, говорится въ актахъ собора, „грубо, невѣжественно"... Беззаботность духовенства было тѣмъ опаснѣе, что Моравію уже въ это время стали наводнять послѣдователи различныхъ христіанскихъ ересей, окончательно смущавшихъ и совращавшихъ народъ, почти совершенно незнакомый съ истиннымъ христіанскимъ ученіемъ. „Суть въ ны вошли, говоритъ морав-

ское посольство византійскому императору, учители мнози хрестьяны, изъ влахъ, и изъ грекъ, и изъ нѣмецъ, учаще ны различь, а мы словене — проста чадь и не имамы, иже бы ны наставилъ на истину и разумъ сказалъ“ (Пан. житіе Меѳодія)...

Что касается до общихъ церковныхъ отношеній между Константинополемъ и Римомъ, въ эпоху дѣятельности въ Моравіи славянскихъ апостоловъ, — отношенія эти были еще крайне неопредѣленны. Не было полнаго единодушія, но и не было открытой вражды. Правда, несогласія возникали все чаще и чаще, но все это были частныя несогласія, какія неразъ случались и раньше, и никто не могъ подумать, что въ самомъ недалекомъ будущемъ они приведутъ къ окончательному разрыву. Никто изъ современниковъ, никакой проницательный умъ не могъ предвидѣть такого несчастнаго результата.. Во всякомъ случаѣ, пока церковное единство было еще не нарушено, и между Константинополемъ и Римомъ еще не было никакого догматическаго оффиціальнаго раздѣленія. Христіанскіе миссіонеры должны были, поэтому, съ одинаковымъ почтеніемъ относиться какъ къ константинопольской, такъ и къ римской церкви. Въ такомъ именно положеніи и находились славянскіе просвѣтители во время своей дѣятельности въ Моравіи: и константинопольскій патріархъ и римскій папа, какъ высшіе представители христіанской церкви, для нихъ должны были быть одинаково священны.. Само собой разумѣется, это нисколько не мѣшало римской церковной администраціи имѣть иной взглядъ на моравскую проповѣдь свв. братьевъ. Зарождавшееся соперничество двухъ первосвященниковъ заставляло каждаго изъ нихъ ревниво оберегать сферы своего вліянія. Моравія, какъ замѣтили, давно уже въ административномъ отношеніи представляла область римской церкви; уже съ начала IX ст. моравскіе сла-

вяне находились въ вѣдѣніи двухъ нѣмецкихъ архіепископій —Зальцбургской и Регенсбургской. Неожиданная дѣятельность здѣсь новыхъ греческихъ проповѣдниковъ, присланныхъ изъ Константинополя, константинопольскимъ патріархомъ, самый характеръ этой дѣятельности, весьма отличный отъ того, какой практиковался римской церковью,—введеніе богослуженія на народномъ языкѣ, переводъ на народный языкъ книгъ св. Писанія,—необычайный успѣхъ ея въ народѣ—все это не могло на самыхъ первыхъ же порахъ не смутить римскаго первосвященника. Онъ не могъ не увидѣть въ этомъ прямой опасности выпустить изъ своихъ рукъ обширную область; соперничество съ Византіей должно было заставить его принять всѣ мѣры, чтобы новые проповѣдники не сдѣлались орудіемъ окончательнаго присоединенія Моравіи къ Востоку... Что касается до мѣстнаго латинскаго духовенства въ Моравіи, оно, разумѣется, должно было имѣть свои личные счеты съ греческими пришельцами. Славянскіе просвѣтители именно и были для него только „пришельцами", которые явились въ чужую область, стали вводить въ ней невѣдомую „ересь", нашли себѣ многихъ учениковъ и послѣдователей и быстро увлекли за собою народныя массы,—подорвавъ вліяніе на нихъ ихъ прежнихъ латинскихъ священниковъ.

Тотчасъ по прибытіи, свв. братья занялись устройствомъ Моравской церкви. Еще въ Константинополѣ, собираясь въ свой далекій путь, готовясь къ новой дѣятельности въ Моравіи, св. Константинъ, по свидѣтельству паннонскихъ житій, составилъ для славянъ азбуку и положилъ начало переводу св. Писанія на славянскій языкъ; припоминая другое, приведенное нами, свидѣтельство о болѣе раннихъ проповѣдническихъ трудахъ Константина въ области Брегальницы, а также и о составленіи имъ уже тогда нѣкоторыхъ книгъ „словеньскыимъ езыкомъ",—нельзя не видѣть,

что первые зародыши такого труда относились въ дѣйствительности къ несравненно болѣе раннему періоду жизни и дѣятельности славянскаго апостола. Какъ бы то ни было, ко времени появленія свв. братьевъ въ Моравіи, трудъ перевода необходимыхъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, очевидно, былъ ими уже не только начатъ, но отчасти уже оконченъ, и потому, первымъ дѣломъ ихъ, по прибытіи въ Моравію, было, рядомъ съ устной проповѣдью, введеніе въ странѣ славянскаго богослуженія и продолженіе славянскаго перевода св. Писанія. Они перевели не-достававшія богослужебныя книги на славянскій языкъ, для всѣхъ родовъ богослуженія—утрени, часовъ, литургіи, вечерни, и вмѣстѣ съ этимъ занялись приготовленіемъ священниковъ изъ природныхъ, туземныхъ славянъ. Ростиславъ помогалъ имъ въ ихъ трудахъ, — приказывалъ собирать отроковъ и отдавать ихъ въ ученье... Вмѣстѣ съ этимъ, посѣщая города и села, Константинъ и Меѳодій лично проповѣдывали св. ученіе, — „и ради быша словене, говоритъ древнее извѣстіе, яко слышаша величіе Божіе своимъ языкомъ“..

Введеніе между моравскими славянами богослуженія на народномъ языкѣ было дѣломъ совершенно новымъ, особенно въ предѣлахъ римской церкви. [1]) Въ послѣдней къ VIII—IX в.

---

[1]) По изслѣдованіямъ новѣйшаго историка русской церкви проф., Голубинскаго, — «въ греческой церкви IX вѣка, такъ же какъ и въ латинской, было ученіе объ одномъ богослужебномъ языкѣ..; греки совершенно такъ же какъ и латиняне, были самымъ рѣшительнымъ образомъ за то и того ученія, чтобы у всѣхъ народовъ ихъ греческой церкви богослуженіе совершалось на одномъ греческомъ языкѣ«... Оцѣнивая дѣятельность св. Константина, историкъ замѣчаетъ: «Среди господствовавшаго между римлянами и греками ученія о двухъ богослужебныхъ языкахъ—латинскомъ и греческомъ—Константинъ философъ выступилъ какъ реформаторъ и новаторъ, провозгласившій принципъ равноправности всѣхъ языковъ и національности богослуженія и осуществившій свое новое ученіе въ приложеніи къ Моравамъ».. *Ист. Рус Церкви*, т. I, втор. полов., М. 1881. стр. 283—285.

окончательно укоренилось мнѣніе, что языкомъ, приличнымъ для богослуженія, можетъ быть только или греческій или латинскій; это была общая практика римской церкви. Константинъ вмѣстѣ съ братомъ Меѳодіемъ впервые открыто заявили мысль о народномъ богослуженіи, — вполнѣ осуществивши ее на дѣлѣ. Въ этомъ была ихъ величайшая заслуга. Но за свое нововведеніе славянскимъ апостоламъ пришлось вынести тяжелую борьбу съ латинскимъ духовенствомъ, борьбу, начавшуюся тотчасъ по вступленіи ихъ на моравскую почву, тянувшуюся всю ихъ жизнь, не окончившуюся и послѣ ихъ смерти. Личные счеты, которые должны были имѣть при этомъ противъ греческихъ нововводителей латинскіе патеры, дѣлали борьбу особенно упорной, ожесточенной, часто сводя ее на почву подпольныхъ интригъ и козней...

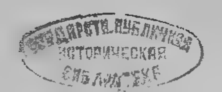
Очень скоро, черезъ какіе нибудь три-четыре года, эта борьба заставила моравскихъ просвѣтителей прервать свою дѣятельность и идти въ Римъ—для оправданій..

Путешествіе въ Римъ относится къ періоду времени съ конца 867 г. по конецъ 869. Братья были вытребованы папою и, конечно, не могли не идти: Римъ считался центромъ высшей церковной администраціи надъ тою областью, въ которой они дѣйствовали.. Славянскіе апостолы несли въ даръ Риму мощи св. Климента, и папа встрѣтилъ ихъ съ особой торжественностью. Славянскіе проповѣдники были вполнѣ оправданы, — всѣ обвиненія на нихъ рушились разомъ, съ однимъ появленіемъ ихъ въ Римѣ. Богослуженіе на народномъ славянскомъ языкѣ было торжественно одобрено папою; переведенныя св. братьями и принесенныя ими въ Римъ (на разсмотрѣніе папы, съ цѣлью показать ихъ правовѣрность) богослужебныя славянскія книги, положены были, въ знакъ канонизаціи, самимъ папою на престолъ въ церкви св. Петра, самъ папа отслужилъ надъ ними литургію, — въ са-

момъ Римѣ позволено было совершить службу на славянскомъ языкѣ.... На первый взглядъ можетъ показаться совершенно непонятною такая перемѣнчивость въ дѣйствіяхъ папы въ отношеніи къ „варварскому“, какъ тогда называли въ Римѣ, славянскому языку. Римскій папа, конечно, не могъ не раздѣлять общаго взгляда, существовавшаго тогда во всей римской церкви по вопросу о языкѣ богослуженія; паннонскія житія разсказываютъ, что противъ славянскаго богослуженія открыто возстали тогда многіе въ самомъ Римѣ... Но не надо забывать, что римскіе папы всегда отличались умѣньемъ дѣлать уступки во время,— въ этомъ мы еще будемъ имѣть случай неразъ убѣдиться и на другихъ фактахъ отношеній Рима къ дѣятельности славянскихъ просвѣтителей. Боязнь потерять для себя Моравію заставляла римскаго первосвященника не разъ и послѣ дѣлать уступки,—заставила сдѣлать ее и теперь, тѣмъ болѣе, что ближайшая цѣль была достигнута: появленіе славянскихъ проповѣдниковъ въ Римѣ достаточно указывало церковный центръ для Моравіи.

Св. Константину уже не суждено было вернуться изъ Рима: изнуренный непрестанными трудами, онъ заболѣлъ въ Римѣ, и 14 февраля 869 года скончался. Чувствуя приближеніе смерти, онъ принялъ, за 50 дней до кончины, иночество, съ именемъ Кирилла.. Меѳодій хотѣлъ взять съ собою тѣло своего брата на родину, или по крайней мѣрѣ въ Моравію, но папа открыто воспротивился этому, и Кириллъ торжественно былъ похороненъ въ Римѣ, въ церкви Св. Климента, мощи котораго были принесены имъ въ Римъ. „Римъ справедливо могъ бояться, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей, отпустить мощи Св. Кирилла въ Моравію,—не надѣясь на прочность связей ея съ митрополіей западной и опасаясь сблизить ее съ ненавистнымъ ему востокомъ“... Умирая Кириллъ умолялъ своего брата не покидать нача-

2

таго дѣла просвѣщенія славянъ: „се братіе, говорилъ онъ ему, двѣ супруга бяховѣ, едину бразду тяжаща, и азъ на лѣсѣ падаю, свой день скончавъ, а ты любиши гору вельми (уединеніе на горѣ Олимпѣ), то не мози, горы ради, оставити ученія своего. Паче бо можеши чѣмъ спасенъ быти"?.. (пан. житіе Меѳодія).

По смерти Кирилла, къ папѣ обратился одинъ изъ мелкихъ моравскихъ князей, Коцель, князь паннонскій, съ просьбой отпустить въ Паннонію „блаженнаго учителя" Меѳодія для утвержденія народа въ вѣрѣ. Папа съ охотой согласился исполнить желаніе Коцеля. „Не тебѣ единому токмо, писалъ папа въ своемъ посланіи къ Коцелю, но и всѣмъ странамъ тѣмъ славянскимъ слю й учитель отъ Бога и отъ св. апостола Петра"... Самому Ростиславу, великому князю Моравскому, въ это время (въ концѣ 869 года) было не до церковныхъ дѣлъ. Неоконченная еще борьба съ нѣмцами опять возгорѣлась. Три арміи нѣмецкаго императора только что передъ этимъ съ различныхъ сторонъ вторглись въ Моравское княжество, грозя ему совершенной гибелью. Страна вся была опустошена; самъ Ростиславъ долженъ былъ спасаться въ небольшомъ укрѣпленномъ замкѣ. Но тѣмъ съ бо́льшей свободой могъ дѣйствовать князь паннонскій, Коцель, какъ самостоятельный правитель небольшой области и не нарушившій еще дружественныхъ отношеній къ нѣмецкому императору. Передъ окончательнымъ отправленіемъ въ Паннонію, Меѳодій, по новой, отдѣльной просьбѣ Коцеля, былъ рукоположенъ папою въ санъ епископа.

Едва прибылъ Меѳодій въ новую, порученную ему, область, какъ и здѣсь противъ него обнаружились тѣ же непріязненныя дѣйствія со стороны низшаго латинскаго духовенства, какія онъ встрѣтилъ и раньше, въ самой Моравіи. Политика Рима была очень хорошо извѣстна латинскимъ священникамъ, и внѣшнее расположеніе папы къ славянскому

апостолу нисколько ихъ не смущало. Первымъ дѣломъ Меѳодія въ Паннонiи, какъ и раньше въ самой Моравiи, было введенiе богослуженiя на народномъ славянскомъ языкѣ. Для латинскаго духовенства это, разумѣется, казалось прямымъ оскорбленiемъ обычаевъ римской церкви,—тѣмъ болѣе, что вопросъ о славянскомъ богослуженiи для очень многихъ изъ нихъ могъ быть вопросомъ объ удержанiи за собою своихъ мѣстъ въ паннонской епархiи, такъ какъ у Меѳодія были уже ученики-священники, изъ туземныхъ славянъ.. Мы не знаемъ подробностей борьбы Меѳодія съ латинскимъ паннонскимъ духовенствомъ; извѣстно только, что очень скоро, на второмъ году по прибытiи Меѳодія въ Паннонiю, на него воздвигнуты были разныя догматическiя обвиненiя, его потребовали даже къ соборному суду, но потомъ, не дождавшись суда, схватили тайно и заключили въ тюрьму,—„заслаша въ Швабы,—лаконически сообщаетъ паннонское житiе Меѳодія,—держаша полтретья (два съ половиной) лѣта“... Этотъ фактъ въ жизни св. Меѳодія не долженъ быть забытъ славянскими племенами.... Заключенiе продолжалось съ осени 871 года до начала 874. Это было время, когда вмѣстѣ съ своимъ епископомъ страдалъ и весь Моравскiй народъ. Въ Моравiи совершались событiя, которыя грозили быстрой гибелью едва объединенному славянскому княжеству. Ростиславъ, съ честью докончивши (въ 870 г.) борьбу съ нѣмецкимъ императоромъ, измѣннически былъ выданъ нѣмцамъ (въ 871) своимъ честолюбивымъ племянникомъ Святополкомъ,—лишенъ престола, приговоренъ къ смерти, которая замѣнилась ослѣпленiемъ, и сосланъ въ одинъ изъ отдаленныхъ нѣмецкихъ монастырей. Нѣмцы опять стали хозяевами Моравiи. Моравскимъ княземъ, послѣ Ростислава, назначенъ былъ Святополкъ; но его скоро заподозрили въ новой измѣнѣ, уже противъ нѣм-

цевъ, схватили тайно и заключили подъ стражу. Святополку однако удалось бѣжать изъ плѣна,—онъ сталъ во главѣ народа, поднялъ противъ нѣмецкаго владычества всю Моравію и Паннонію и вступилъ въ упорную борьбу съ своими бывшими покровителями. Въ этой борьбѣ прошли 872 и 873 гг. Весной 874 года борьба закончилась миромъ, по которому Святополкъ признанъ былъ самостоятельнымъ славянскимъ княземъ... Политическая побѣда Моравіи тотчасъ сказалась и на судьбѣ Меѳодія. Самъ папа явился теперь его освободителемъ: въ 874 году, по требованію папы, Меѳодій былъ выпущенъ изъ тюрьмы и опять водворенъ въ паннонскую епископію.

Но латинское духовенство не любитъ вообще отступать отъ разъ намѣченныхъ цѣлей: освобожденіе Меѳодія изъ тюрьмы было для него только возобновленіемъ его старой борьбы съ его исконными врагами. Со стороны мѣстныхъ латинскихъ духовныхъ опять начались подпольныя клеветы, что моравскій епископъ—отступникъ отъ вѣры, что онъ унижаетъ латинскій языкъ, вводя славянское богослуженіе, что, кромѣ того, онъ проповѣдуетъ и въ догматикѣ какое то „новое ученіе“, несогласное съ римскимъ. Внутренно папа вполнѣ сочувствовалъ латинскому духовенству. Отъ 874 года сохранилось письмо папы къ анконскому епископу Павлу: въ письмѣ папа открыто заявляетъ свое неудовольствіе по поводу славянскаго богослуженія, подтверждая мнѣніе, что божественная служба должна совершаться лишь или на латинскомъ или греческомъ языкахъ. Въ 899 году особой папской буллой Меѳодій былъ вызванъ въ Римъ; въ буллѣ, между другими обвиненіями, прямо указывалось, что вотъ папа услышалъ и о томъ, что „Меѳодій поетъ литургію на варварскомъ (т. е. славянскомъ) языкѣ“... Меѳодій долженъ былъ совершить новое путешествіе въ Римъ (въ самомъ началѣ 880 года). Результаты путешествія были опять самыя благо-

пріятныя. Въ посланіи къ кн. Святополку папа торжественно опровергаетъ взведенныя на Меѳодія обвиненія и признаетъ вполнѣ законнымъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ: „Litteras sclaviniscas.. guibus Deo lavdes resonent—произноситъ папа знаменитыя слова—jure lavdamus... nec sanae fidei vel doctrinae aliquid obstat sive missas in eadem lingua sclavinica canere, sive sacrum evangelium... legere aualia horarum officia omnia psallere...“, т. е: „письмена славянскія, которыми бы возглашалась хвала Богу, мы—пишетъ папа—по праву одобряемъ..; истинной вѣрѣ и ученію ни мало не препятствуетъ пѣть литургію на этомъ славянскомъ языкѣ, или читать божественное евангеліе или воспѣвать всѣ другія службы“... Эластичность папскихъ рѣшеній невольно приводитъ на память справедливое замѣчаніе одного католическаго польскаго писателя: „Rzym obu jezykom lacinskiemut i slovian'skiemu rồwną davał opiekę, gdyz mu szlo o utrzymanię swego patryarchalnego prawa nad Morawą, llrykiem i Bulgarią“, т. е. Римъ обоимъ языкамъ, латинскому и славянскому, давалъ одинаковую поддержку, когда дѣло шло объ удержаніи его церковнаго права надъ Моравіей, Иллирикомъ и Булгаріей“. (*Лавровскій*, Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ и пр. Харьковъ. 1863. стр. 415—416). Вмѣстѣ съ дозволеніемъ славянскаго богослуженія, папа признавалъ вполнѣ истиннымъ и догматическое ученіе св. Меѳодія,—хотя въ тоже время фактически извѣстно, что св. братья исповѣдывали символъ вѣры безъ filioque. (См: *Калайдовичъ:* Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. М. 1824, стр. 89. *Филаретъ,* — Кирилло-Меѳод. Сборникъ, М. 1865, стр. 61—68. *Лавровскій,*—ib., стр. 425—429).

Вполнѣ оправданный папою, Меѳодій въ 880 году вернулся въ Паннонію, но опять—лишь для борьбы съ своими прежними врагами. И въ эти послѣдніе годы его жизни, съ

880 г. по 885, борьба противъ него латинскаго духовенства велась съ тою же силой, какъ и прежде, съ перваго момента дѣятельности славянскихъ апостоловъ въ моравской области. Борьба эта теперь сдѣлалась еще тяжелѣе для Меѳодія, еще несноснѣе: она окончательно сошла на почву интригъ и подпольныхъ происковъ. Во всеуслышаніе свидѣтельствуя о правотѣ Меѳодія, надѣляя его, передъ отправленіемъ въ Паннонію, своими благословеніями, папа почти одновременно съ этимъ возвелъ въ санъ епископа Нитранскаго нѣкоего Викинга, подчинивши его въ административномъ отношеніи Меѳодію. Новый подчиненный тотчасъ же сталъ орудіемъ латинскаго духовенства противъ Меѳодія. Это собственно и было задней мыслью при назначеніи. По свидѣтельству дошедшаго до насъ нѣмецкаго источника, — Викингъ, родомъ нѣмецъ, былъ человѣкъ мятежный и честолюбивый, ненавистный и самимъ нѣмцамъ, достигшій епископства болѣе насиліемъ, прославившійся еще священникомъ ненавистью къ славянамъ.. (*Лавровскій*,—ib, 433 sqq.).

Съ назначеніемъ Викинга, Меѳодій уже до самой своей смерти не имѣлъ душевнаго покоя... Единственнымъ утѣшеніемъ теперь ему было сознаніе святости и великости предпринятаго имъ и выполненнаго труда просвѣщенія славянъ. Дѣло перевода св. Писанія на славянскій языкъ теперь особенно занимало его. По свидѣтельству паннонскаго житія, полный переводъ библіи относился именно къ послѣднему періоду жизни Меѳодія. Разсказавши подробно о „злобѣ“ враговъ противъ него, авторъ „житія“ продолжаетъ: „потомъ же отвергъ ся молвы и печаль свою на Бога возложь,—прежде же отъ ученикъ своихъ посажь два попа скорописца зѣло, преложи вборзѣ вся книгы исполнь, развѣ Маккавей, отъ греческаго языка на словенскъ, шестію мѣсяцъ, начень отъ марта мѣсяца до двою десяте и шести дьне октября мѣсяца. Скончавъ же достойную хвалу и сла-

ву Богу въздасть, дающему таковую благодѣть и поспѣхъ.. Псалтырь бо бѣ токмо и евангеліе съ апостоломъ и избранными службами и церковными съ Философомъ преложи первѣе. Тогдаже и номоканонъ, рекше закону правило, и отечьскыя книгы преложи“...

6 апрѣля 885 года Меѳодій скончался. Не прошло и года со времени его смерти, какъ его ученики, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя въ Моравіи и Панноніи, должны были всѣ бѣжать отсюда. Они ушли въ Болгарію, и здѣсь своими литературными трудами положили прочное основаніе общеславянской литературѣ. Гораздъ, Климентъ, Лаврентій, Наумъ, Ангеларій, вмѣстѣ съ своими учителями, Кирилломъ и Меѳодіемъ, извѣстные подъ именемъ „св. седмичисленниковъ“,— стали первыми славянскими писателями; ихъ труды обошли всѣ славянскія литературы, — подъ конецъ вошли и въ нашу древне-русскую письменность... Между тѣмъ, въ Моравіи и Панноніи и вообще во всемъ католическомъ славянствѣ славянское богослуженіе скоро было окончательно изгнано. Уже тотчасъ послѣ смерти, въ письмѣ папы Стефана V (885 — 891) къ кн. Святополку, Меѳодій порицается — „за вздорность и службу на славянскомъ языкѣ“. Въ 925 году папа Іоаннъ X, въ письмѣ къ сплетскому архіепископу, открыто возстаетъ противъ тѣхъ, кто слѣдуетъ Меѳодію, — „котораго, замѣчается въ посланіи, нигдѣ нѣтъ между святыми“... Наконецъ, черезъ полтораста лѣтъ по смерти, на сплитскомъ соборѣ 1059 — 1064 гг., славянскій апостолъ Меѳодій уже прямо именуется отъ лица католической церкви „нѣкіимъ еретикомъ Меѳодіемъ“...; соборъ безусловно запрещаетъ службу на славянскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ страхомъ проклятія, издаетъ повелѣніе, чтобы „никто изъ людей славянскаго языка“ не получалъ степеней священства, а объ „еретикѣ Меѳодіи“ прибавляется, что за свое нечестіе онъ

былъ, по повелѣнію Божію, наказанъ внезапной смертью!..

Величайшимъ дѣломъ свв. братьевъ было составленіе (или—улучшеніе?) славянскаго алфавита и переводъ св. Писанія на славянскій языкъ. Не останавливаясь на первомъ, перехожу прямо ко второму. Остановимся сначала на тѣхъ лексикальныхъ средствахъ, которыя нашли для себя переводчики въ славянскомъ языкѣ и которыми они могли располагать при своемъ трудѣ. Насколько подготовленъ былъ въ ихъ время славянскій языкъ къ передачѣ на немъ высокихъ началъ христіанства, и что сдѣлано было самими переводчиками для усиленія въ языкѣ средствъ къ этому?.

Великія событія въ жизни народовъ всегда подготовляются задолго до самаго факта ихъ совершенія. Общенародному принятію христіанства, по бо́льшей части, всегда предшествовало „неоффиціальное" знакомство съ нимъ. Въ массу народа проникали неясные отзвуки христіанскихъ идей; распространялись христіанскія понятія, обычаи, легенды; не мало являлось и отдѣльныхъ послѣдователей новой религіи... Крещеніе Болгаръ совершилось лишь въ IV вѣкѣ, но хритіанство было извѣстно среди нихъ уже въ V и VI вв. (*Голубинскій*. Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей Болгарской, Сербской и Румынской. М. 1871. стр. 4. 17. 26). Къ еще болѣе раннему времени относится первое распространеніе христіанства среди Моравскихъ славянъ; уже въ числѣ отцовъ перваго Никейскаго собора мы видимъ епископа Паннонскаго. (*Небосклоновъ*. Начало борьбы славянъ съ нѣмцами въ средніе вѣка. Казань. 1874. стр. 20). Въ древней Руси христіанство также существовало задолго до князя Владиміра...

Знакомство народа съ христіанствомъ, хотя и неясное, отрывочное, не могло не отражаться и на его языкѣ. Въ языкѣ славянскихъ племенъ рано начали появляться слова новаго, христіанскаго значенія,—постепенно увеличиваясь въ своемъ количествѣ, вмѣстѣ съ степенью распространенія въ народной массѣ христіанскихъ понятій. Такія слова, какъ *кръстъ*, *алтаръ*, *цръковь*, *попъ* и др., мы встрѣчаемъ укоренившимися въ славянскомъ языкѣ—уже задолго до эпохи жизни славянскихъ апостоловъ. Слово *крестъ* задолго до перевода библіи получило среди славянъ значеніе христіанское; столь же рано образуются въ славянскомъ языкѣ производныя слова: *кръстити*, *кръститися*, *кръщеніе*, *кръститель*, отличавшіяся по своему болѣе высокому, отвлеченному значенію отъ общенародныхъ: купати, погружати, купало и т. д. Точно также сл. *цръкы*, *цръковь*, уже до перевода библіи, заключало въ себѣ понятіе отличное отъ того, какое соединялось съ чисто языческими словами: требище, капище и т. д. (*Буслаевъ*. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. М. 1848 стр. 108. 113—115.). Подобныя слова „были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа задолго до перевода св. Писанія, вытѣснивъ собою соотвѣтствующія имъ понятія языческія...“ Это были—готовыя слова христіанскаго значенія, „христіанскіе первенцы славянскаго языка“... Такими христіанскими словами переводчики прежде всего и воспользовались при своемъ трудѣ. Эти слова представляли извѣстнаго объема матеріалъ, накопившійся въ языкѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ на него христіанства еще въ древнѣйшую, до-историческую эпоху.

Другимъ, весьма важнымъ, элементомъ до-христіанскаго славянскаго языка, оказавшимъ свою услугу славянскимъ переводчикамъ, были слова, возникшія на почвѣ

древнѣйшихъ до-исторических связей славянскаго міра съ готскимъ и древне-нѣмецкимъ. На почвѣ этихъ до-историческихъ отношеній въ языкѣ славянскихъ племенъ очень рано образовалось не мало словъ, общихъ, по своему лексикальному строю, съ словами готскими и древне-нѣмецкими. Такими, напр., были слова, образованныя приставкою *до* (нѣмецкое *ge*) и бывшія одинаково понятными и готамъ и славянамъ, каковы: *говѣть*, *готовъ*, *гораздъ* и т. п. (*Буслаевъ*: О вліяніи христіанства, 90—10. *Шафарикъ* въ своихъ „Слав. Древ." приводитъ цѣлый рядъ слав. словъ, родственныхъ языку готскому). Эти полуготскія, полуславянскія слова въ до-христіанскомъ языкѣ славянскихъ племенъ, явились, повторяю, весьма важнымъ элементомъ, которымъ не могли не воспользоваться переводчики. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи могъ имѣть готскій переводъ св. Писанія, сдѣланный еп. Ульфилою еще въ IV вѣкѣ. Сравнивая этотъ переводъ съ переводомъ славянскимъ, изслѣдователи находятъ довольно сильное вліяніе перваго на послѣдній. Въ древнѣйшемъ, кирилло-меѳодіевскомъ переводѣ они находятъ очень много тѣхъ же самыхъ готскихъ словъ и выраженій, и въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ переводѣ Ульфилы (*Невоструевъ*. Записка о переводѣ Евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Кирилло-Меѳод. Сборникъ, М. 1865, стр. 225 sqq). Очевидно, славянскіе переводчики въ извѣстной степени пользовались при своемъ трудѣ готскимъ переводомъ библіи... Съ вліяніемъ готскаго языка и перевода непосредственно соединялось вліяніе нарѣчій древне-нѣмецкихъ. Внесеніе въ славянскій переводъ многихъ новыхъ нѣмецкихъ словъ, равно какъ и латинскихъ, объяснялось самой обстановкой перевода. Главнымъ образомъ Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ Моравіи и Панноніи, издавна и политически и церков-

нымъ образомъ связанныхъ съ нѣмецкой имперіей; здѣсь совершали они переводъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, совершали для моравскихъ и паннонскихъ славянъ, уже ранѣе обращенныхъ въ христіанство усиліями нѣмецкихъ епископовъ; въ трудѣ перевода могли принимать участіе ихъ туземные ученики, уже ранѣе познакомившіеся съ христіанствомъ отъ римскихъ миссіонеровъ. Знаменитые „фрейзингенскіе отрывки“, въ рукописи IX—X вѣковъ, до сихъ поръ служатъ памятникомъ этого болѣе ранняго христіанства у западныхъ славянъ... Изъ словъ древне-нѣмецкаго происхожденія, издавна вошедшихъ въ славянскій языкъ и внесенныхъ потомъ въ текстъ славянскаго перевода св. Писанія, отмѣтимъ: уже упомянутое *цръковь* (црькы), также—*постъ, попъ, мънихъ* (отъ старо-германскихъ: fasta, phapho, munih) и др. Счетъ дней недѣли у славянъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, также нѣмецкаго происхожденія,—по крайней мѣрѣ на это можетъ указывать названіе *среды*, средняго дня недѣли, прямой переводъ нѣмецкаго Mittwoch; точно также названіе *субботы* нѣкоторыми производится не отъ греческаго σάββατον, а отъ старо-нѣмецкаго sambaz (*Miklosich*: Die shristliche Terminologie der slavischen Sprache. Wien 1875. *Пыпинъ*. Объ историческомъ складѣ русской народности. Вѣстн. Евр. 1884, Октябрь, стр. 706—720).

Съ очень ранняго времени начали проникать въ древнѣйшій до-христіанскій языкъ славянъ элементы языковъ латинскаго и греческаго. Такъ въ очень отдаленную, до-христіанскую пору перешло къ славянамъ латинское слово acetum (ὄξος,) принявши форму *оцьтъ, оцьтънъ*. Древнѣйшее значеніе, какое это слово имѣло даже въ эпоху перевода, не говоря о времени болѣе раннемъ, показываетъ выраженіе переводчиковъ (встрѣчающееся въ древнѣйшихъ рукописяхъ перевода) *оцьтъно вино* (въ греч. ἐσμυρνισμένον οἶνον, въ употребляемомъ нынѣ текстѣ: есмирнисмено ви-

но), или въ готскомъ переводѣ: вино съ смирной, т. е. вино, настоенное травами, смирною; такое вино римляне давали умирающимъ въ пыткѣ, для облегченія ихъ предсмертныхъ страданій. (*Буслаевъ*: О вліяніи христіанства, 116). Также съ древнѣйшей поры перешло къ славянамъ латинское слово paganus, въ формѣ *поганинъ*, съ значеніемъ чужестранца, язычника, — уже упоминавшееся слово *алтарь*, или *олтарь*, (лат. altare), *комъкати* (лат. sommunicare), съ христіанскимъ значеніемъ причащаться св. таинъ, *мьша* (лат. missa), *крижь* (лат. crux), *скудель*, *скудельникъ*, *скудельничъ* (лат. scandula) и др. Кромѣ того, въ славянскомъ переводѣ св. Писанія встрѣчаемъ слѣдующія слова, о которыхъ трудно сказать положительно, — взяты ли они переводчиками непосредственно съ латинскаго, при чемъ, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ проникли въ славянскій міръ еще въ до-христіанскую эпоху, — или внесены прямо съ греческаго, оставшись непереведенными: и въ латинскомъ и въ греческомъ они одинаково общеупотребительны и существовали издавна; таковы: *кесарь* — *καῖσαρ* caesar; *кустодія* — *κουστοδία*, custodia; *легіонъ*—*λεγεών*, legio; *преторъ*—*πραιτώριον*, praetorium; *сандалій*—*σανδάλιον*, sandalium; *соударь*—*σουδάριον*, sudarium; *талантъ*—*τάλαντον*, talantum; *титло*—*τίτλος*, titulus, и т. п. Присутствіе латинскаго элемента въ до-христіанскомъ славянскомъ языкѣ и въ самомъ переводѣ св. Писанія легко можетъ быть объяснено и древнѣйшими историческими отношеніями славянъ къ римскому міру,—и упомянутыми, современными переводу, связями моравскихъ славянъ съ римской церковью.

Наиболѣе сильнымъ и могущественнымъ образомъ сказалось въ славянскомъ переводѣ вліяніе подлинника, вообще греческаго языка. И это, конечно, вполнѣ естественно: и оригиналъ былъ греческій и сами переводчики были греки. Путемъ перевода св. Писанія, въ славянскій языкъ вошла

масса греческихъ словъ и оборотовъ; большинство словъ на столько усвоились древнему славянскому языку, что изъ него перешли и въ современный русскій. Отмѣтимъ слова: *ароматъ* (ἄρωμα), *ангелъ* (ἄγγελος), *апостолъ* (ἀπόστολος), *демонъ* (δαίμων), *діаволъ* (διάβολος), *ехидна* (εχίδνα), *іерей* (ἱερεὺς), *лепта* (λεπτὸν) *мамона* (μαμωνᾶς), *миро* (μύρον) *порфира* (πορφύρα), *скинія* (σκηνή), *трапеза* (τράπεζα). *финикъ* (φοίνιξ), *хитонъ* (λεπτόν), *хламида* (χλαμίς), *экономъ* (οἰκονόμος), *ѳиміамъ* (θυμίαμα), и мн. др.

Древнѣйшія христіанскія слова, образовавшіяся или проникшія въ славянскій языкъ еще въ древнѣйшую, до-историческую эпоху вліянія на него христіанства, слова готскія и древне-нѣмецкія, латинскія и наконецъ масса словъ греческихъ — таковы были лексикальныя средства, которыми располагали переводчики при своемъ переводѣ и которыя они еще болѣе развили и усилили.

Общій характеръ кирилло-меѳодіевскаго перевода и его высокое внутреннее достоинство хорошо уясняется черезъ сравненіе его съ еще болѣе древнимъ переводомъ св. Писанія, — съ не разъ упоминавшимся нами переводомъ готскимъ, совершеннымъ Ульфилою въ IV вѣкѣ.

Съ внутренней стороны, по вѣрности и силѣ передачи христіанской мысли, требующей широты взгляда и извѣстной отвлеченности, славянскій переводъ несравнено выше готскаго. Въ готскомъ переводѣ еще слишкомъ живо чувствуется недавній языческій бытъ готскаго племени; къ новому христіанскому содержанію еще тѣсно примыкаютъ только что оставленныя преданія языческаго міра. „Переводъ Ульфилы, говоритъ Буслаевъ, при первомъ взглядѣ поражаетъ

яркостью жизни дѣйствительной, непрестанно выступающей разнообразными намеками, проглядывающими сквозь идеи христіанскія; отвлеченность ученія христіанскаго низводится до обыденныхъ, осязательныхъ образовъ, заимствованныхъ изъ дѣйствительности; чистота христіанскихъ идей омрачается намеками на язычество. Вездѣ очевидно, что Ульфила прямо изъ устъ язычника взялъ не очистившіяся молитвою, слова и формы для выраженія ими св. Писанія" (*Буслаевъ*: О вліяніи христіанства, 101). Славянскій переводъ, напротивъ, при всей своей ясности и точности, мѣстами поэтической образности, въ общемъ является несравненно болѣе отвлеченнымъ, и во всякомъ случаѣ совершенно чуждымъ прежнему, языческому міровоззрѣнію. Если „готскій переводъ библіи представляетъ рѣзкій переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ христіанскимъ, и составляетъ, по этому, любопытный фактъ въ исторіи языка сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія христіанскихъ идей,"—славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній до-христіанскій бытъ" (*Буслаевъ*: О вліяніи христіанства, 210). Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

Греч. сл. δαίμων въ славянскомъ переводѣ передается словомъ *бѣсъ*, въ общемъ значеніи злаго духа; въ переводѣ Ульфилы слову δαίμων соотвѣтствуютъ unhulþo и Skohsl— названіе двухъ злыхъ существъ древне-германской миѳологіи (сл. Skohsl родственно, по Буслаеву, слав. *кост*, откуда— *кощей*),

οἰκουμένη: въ славянскомъ переводѣ соотвѣтствуетъ *въселенаꙗ* — слово, являющееся прямымъ переводомъ греческаго и чисто отвлеченнаго характера; въ переводѣ Ульфилы— *midjungards* (=midgard древней Эдды), т. е. домъ или жилище въ срединѣ, въ центрѣ міра: по сказанію древней

Эдды midgard созданъ для жилища людей изъ бровей Имира и окруженъ моремъ (*Буслаевъ*, ib, 103). Слово готскаго перевода живо переноситъ насъ въ языческій міръ древне-германской миѳологіи.

μυστήριον: въ слав. переводѣ *тайна*—слово отвлеченнаго характера; въ готскомъ *гипа*, слово, отъ котораго такъ и вѣетъ языческой древностью и въ которомъ соединялись понятія о ворожбѣ, пѣніи, письмѣ, таинствѣ и т. д.

—*σταυρός*: въ слав. переводѣ *кръстъ*, слово, давно уже пріобрѣтшее христіанское значеніе; въ готскомъ переводѣ *σταυρός* переводится galga, словомъ, которое значитъ просто висѣлица, позорный столбъ, и т. пп.

Стремясь къ отвлеченному выраженію христіанскихъ идей, славянскіе переводчики иногда составляли новыя слова, въ замѣнъ старыхъ языческихъ, или употребляли изъ нихъ такія, которыя менѣе могли напоминать старыя языческія понятія. Такъ, напр., коренныя славянскія слова: *дѣдичъ, дѣдина*, переводчиками оставляются и замѣняются новыми и совершенно отвлеченными: *наслѣдникъ, объщникъ, наслѣдіе, достояніе* и т. п. „Переводчики не хотѣли, замѣчаетъ Буслаевъ, воспользоваться народнымъ понятіемъ о владѣніи, вѣроятно, по тому, что дѣдина и дѣдинъ, заключая въ себѣ память о древне-славянскомъ преданіи, могли нарушить чистоту слова евангельскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что права на владѣніе дѣдиной были освящены древнимъ вѣрованіемъ: дѣды чтились, какъ существа высшія, божественныя, и потому названіемъ „внука“ весьма естественно могло выражаться отношеніе современности къ темной, миѳологической старинѣ (ср. въ Словѣ о Полку Игоревѣ выраженія: „жизнь Дажь-Божья внука“, „въ силахъ Дажь-Божья внука“ и п.) По чешски dědicowé —пенаты. Слѣдственно коренное славянское понятіе о на-

слѣдствѣ, выраженное словами: дѣдичъ, дѣдина, основанное на родственномъ отношеніи, а не на одномъ только понятіи и имуществѣ, — не могло войти въ священный языкъ, потому что напоминало періодъ миѳологическій. Памва Берында съ намѣреніемъ отличаетъ дядко отъ дѣдко: аще бо нѣціи обыкоша дьавола именовати...“ (*Буслаевъ*, ib, 161).

Въ употребляемомъ нынѣ текстѣ славянской библіи первичный кирилло - меѳодіевскій переводъ является далеко не въ подлинномъ видѣ. Современный славянскій текстъ библіи имѣетъ, какъ извѣстно, свою исторію. Намъ необходимо коснуться этой исторіи, — чтобы показать отношеніе употребляемаго нынѣ славянскаго текста св. Писанія къ его древнѣйшему прототипу. Извѣстно, что кодексъ славянской библіи составленъ былъ лишь къ концу XV ст. До самыхъ послѣднихъ годовъ XV вѣка въ русской письменности, а равно и во всемъ славянскомъ мірѣ, не существовало канона библейскихъ книгъ. Библейскія книги, какъ и всякія другія книги, предлагались древнерусскому, и вообще славянскому читателю, въ самыхъ разнообразныхъ, по своему содержанію, сборникахъ, — вмѣстѣ и рядомъ съ сочиненіями отцевъ церкви, поученіями, житіями святыхъ, прологами, не рѣдко съ сочиненіями прямо апокрифическими или даже свѣтскаго характера. Одна рукопись XV в. Моск. Рум. Музея сборникъ библейскихъ книгъ изъ собранія Ундольскаго, по его нумераціи № 1, можетъ быть взята, какъ типичный образчикъ древне-русскаго библейскаго кодекса. Здѣсь сначала идутъ первыя библейскія книги, съ *Бытія* до *Притчей Соломона* включительно; затѣмъ—отрывки изъ *книги Премудрости Соломона*; далѣе—отрывки ужъ изъ какого-то хронографа, а за ними прямо читаемъ: Житіе

и жизнь Александра царя Македонскаго— „Александрію"!.. Послѣ новыхъ отрывковъ изъ хронографа, слѣдуетъ *послѣднее видѣніе пророка Даніила* — если и Даніила, то во всякомъ случаѣ не пророка: статья чисто апокрифическая... Далѣе — выписки изъ патерика, отрывокъ какого-то слова Іоанна Златоустаго, наконецъ — *Апокалипсисъ Іоанна Богослова*, весь сполна; затѣмъ — новые отрывки, и за ними *Пѣснь Пѣсней*, но уже въ другомъ переводѣ, чѣмъ какой помѣщенъ выше, въ числѣ первыхъ библейскихъ книгъ; за тѣмъ до конца рукописи—новые отрывки и замѣтки самого разнообразнаго содержанія (въ родѣ, напр., статейки *„о пророцѣхъ и пророчицахъ"*, гдѣ въ хронологическомъ порядкѣ перечисляются ветхозавѣтные пророки и пророчицы; авторъ насчитываетъ 73 пророка и 9 пророчицъ—между пророчицами послѣдней оказывается „Святая Марія Богородица)..". Оріентироваться среди такого письменнаго хаоса, выдѣлить чистый библейскій текстъ изъ массы другихъ сочиненій, очистить его отъ разнообразныхъ вставокъ и дополненій, которыя такъ тѣсно съ нимъ сплетались,—было слишкомъ трудно... На самомъ канунѣ XVI столѣтія, новгор. архіепископъ Геннадій впервые выдѣлилъ библейскія книги изъ хаоса сборниковъ, собралъ ихъ въ одинъ кодексъ и такимъ образомъ положилъ первое основаніе современной славянской библіи, какъ мы ее имѣемъ теперь. Кодексъ Геннадія однако далеко не отличался единствомъ текста, со стороны языка; текстъ различныхъ библейскихъ книгъ, по своей древности, былъ въ немъ весьма различенъ. Одни книги (*Пятокнижіе Моисеево, Псалтырь*, и *книги пророческія*) вошли въ кодексъ въ древнѣйшемъ, можетъ быть, даже въ первоначальномъ кирилло-меѳодіевскомъ переводѣ; другія книги (*книги Іисуса Навина, Судей, Руѳь, четыре книги Царствъ, Притчи,*

Екклесіастъ, Премудрости Іисуса сына Сирахова, книга Іова, Пѣснь Пѣсней и Апокалипсисъ) вошли хотя и въ древнемъ, но все же въ значительно подновленномъ текстѣ; третьи (четыре *Евангелія, Дѣянія* и *Посланія Апостольскія*) помѣщенны въ кодексѣ въ переводѣ не древнемъ, но исправленномъ и очень близкомъ къ нынѣшнему печатному тексту; наконецъ, нѣкорыя книги (*двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, книги Товита, Юдиѳи, Премудрости Соломона*), вѣроятно, совсѣмъ не найденныя Геннадіемъ въ тогдашней русской письменности, были переведены, по его порученію, прямо съ латинскаго, съ библіи Вульгаты, и переведены, замѣтимъ, недостаточно искусно, безъ хорошаго знанія какъ латинскаго такъ и русскаго языковъ, а *книга Есѳирь* даже непосредственно съ еврейскаго (Горскій и Невоструевъ: Описаніе слав. рук. Синод. библіотеки, I, стр. 1—128. Митр. Макарій: Ист. Рус. Церкви, VII, стр. 177—190). При всемъ разнообразіи своего текста, кодексъ Геннадія составилъ эпоху въ исторіи славянской библіи. Собранный имъ кодексъ послужилъ основаніемъ первому печатному изданію славянской библіи—библіи острожской, изданной въ 1580—1581 гг. Острожскіе издатели, получивъ изъ Москвы полный списокъ геннадіевскаго кодекса, хотя и подвергли текстъ новому пересмотру и исправленію, сличая его съ текстомъ греческимъ и латинскимъ, но больше всего и чаще всего пользовались имъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, до того, что кое гдѣ удержали даже ошибки писцовъ (Горскій и Невоструевъ, ib, I, стр. VIII; Митр. Макарій,— ib,VII, стр. 190) Московское изданіе библіи 1663 года, такъ называемое первопечатное, за немногими исключеніями, только повторило изданіе ост-

рожское (*Труды Кіевской Духовной Академіи*, 1861, II, ст. 427.) Первая и наиболѣе серьезная критика текста славянской библіи сдѣлана была въ царствованіе Имп. Петра I. 14 ноября 1712 года, указомъ императора „повелѣвалось архимандриту московскаго заиконоспасскаго монастыря Ѳеофилакту Лопатинскому и учителю эллиногреческихъ школъ Софронію Лихуду съ помощниками, бывшее до сего времени въ употребленіи первопечатное московское изданіе библіи 1663 года, сличивъ съ греческимъ текстомъ LXX-ти, исправить,—для вторичнаго печатнаго изданія“ (Предисловіе къ изд. слав. библіи 1751 года; Опис. слав. рук. Моск. Синод. библ., I, 165). Славянскій текстъ былъ подвергнутъ теперь значительному измѣненію. Исправленіе или вернѣе выправленіе состояло въ замѣнѣ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, непонятныхъ или неточныхъ, употребительными, болѣе ясными и точными; въ приведеніи рѣчи въ правильный грамматическій порядокъ, — въ послѣднемъ отношеніи нельзя не отмѣтить гоненія, воздвигнутаго исправителями противъ двойственнаго числа. Трудъ исправителей, въ сущности, заключался въ исправленіи употреблявшагося славянскаго текста по подлинному греческому тексту. Впрочемъ, мѣстами исправители слѣдовали латинскому тексту Вульгаты (такъ по тексту Вульгаты исправлены были сполна книги Товита и Юдиѳи), а иногда принимали въ соображеніе и еврейскій текстъ. Вмѣстѣ съ исправленіемъ текста, исправители теперь впервые внесли въ славянскую библію раздѣленіе главъ на стихи; раздѣленіе на стихи было заимствовано прямо изъ латинскихъ изданій Вульгаты... Дѣло исправленія продолжалось 12 лѣтъ. Къ началу 1724 года оно было окончено, и указомъ 5 февраля этого года Петръ В. приказывалъ тому же Ѳеофилакту Лопатинскому, бывшему въ то время уже твер-

скимъ архіепископомъ, и ученому греку Афанасію Кондоиди, архимандриту Спасскаго ярославльскаго монастыря, прежде печатанія исправленнаго текста, еще разъ „тщательно освидѣтельствовать оный“,—но на этомъ дѣло и остановилось. 28 января 1725 года Петръ В. скончался. и дѣло изданія библіи было забыто. О немъ вспомнили лишь съ вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны. Трудъ петровскихъ исправителей былъ вызванъ на свѣтъ, еще разъ пересмотрѣнъ, и наконецъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 1751 году. Текстъ этого елизаветинскаго изданія и есть тотъ текстъ, который мы имѣемъ теперь въ славянской библіи и который так. обр. есть собственно текстъ петровскихъ исправителей 1712—1724 гг. Исправители елизаветинскаго времени приняли почти всѣ исправленія, сдѣланныя ихъ петровскими предшественниками, — только изрѣдка давая предпочтеніе передъ ними первопечатному московскому тексту 1663 года (*Горскій и Невоструевъ*: Опис. слав. рук. Моск. Синод. Библ., I, 165—180)...

Мнѣ нѣтъ нужды говорить много о великомъ просвѣтительномъ значеніи труда, совершеннаго славянскими апостолами. Въ умственной исторіи каждаго народа переводъ библіи на народный языкъ всегда составлялъ эпоху; всегда и вездѣ это событіе было началомъ новаго періода народной жизни, являлось моментомъ,—„когда старое содержаніе народной жизни рѣшительно отступало въ прошедшее и начиналось господство новыхъ идей и новыхъ формъ быта“, болѣе совершенныхъ. Въ исторіи славянскихъ племенъ моментъ этотъ неразрывно соединяется съ дѣятельностью свв. Константина и Меѳодія. Переводъ св. Писанія на родной языкъ и для славянъ являлся эрой новой жизни. Переводъ закрѣп-

лялъ въ ихъ сознаніи христіанскія понятія, съ которыми они только что знакомились, способствовалъ черезъ это ихъ внутреннему, духовному развитію, расширялъ ихъ мысль, дѣлалъ народъ болѣе культурнымъ. Славянскія племена VIII—пол. IX в. только что начинали сознательную историческую жизнь. Мысль народной массы не шла дальше хаоса первобытной миѳологіи, блуждала во теракѣ почти до-историческаго періода. Проповѣдь христіанства, переводъ на родной языкъ св. Писанія—разомъ поднимали народное самосознаніе, неизмѣримо расширяя духовную область мысли, разомъ поднимали эту мысль на невѣдомую ей дотолѣ высоту, открывая передъ нею безграничный міръ новыхъ чувствъ, идей, стремленій. Только этимъ путемъ,—путемъ богослуженія и чтенія библіи на родномъ языкѣ,—высокія христіанскія идеи могли стать достояніемъ славянскаго языческаго міра...

Но въ трудѣ перевода была и другая весьма существенная сторона. Славянскій переводъ св. Писанія былъ не только великимъ христіанскимъ подвигомъ, но и великимъ научнымъ трудомъ. Съ подвигомъ апостольства соединялась здѣсь геніальная научная заслуга, геніальная не только по идеѣ, но и по выполненію. Нужно принять въ соображеніе тогдашнее состояніе славянскаго языка, совершенную его стихійность и хаотичность, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить всю громадность труда, взятаго на себя славянскими апостолами, и—столь геніальное его выполненіе. Славянскій языкъ VIII—начала IX вѣка не зналъ ни литературы, ни письменности; у него не было даже общеупотребительнаго алфавита — писали „чертами и рѣзами"... Подъ перомъ великихъ переводчиковъ славянскій языкъ впервые дѣлается языкомъ литературнымъ, впервые призывается къ литературной жизни, вмѣстѣ съ этимъ — разомъ дѣлаясь сильнѣе, богаче, крѣпче. Переводъ св. Писанія вывелъ славянскій языкъ изъ того хаотическаго, до-историческаго бро-

женія, въ которомъ онъ находился въ VIII—нач. IX в., готовый распасться на множество мелкихъ мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ, — переводъ далъ стихійной, не сформировавшейся еще славянской рѣчи литературное единство и твердость, — овладѣвши существовавшими въ языкѣ, но находившимися еще на степени броженія, элементами, очистивши и упорядочивши ихъ, усиливъ одни, ослабивъ другіе, переводъ привелъ всѣ эти давнишніе матеріалы языка въ соотвѣтствіе и стройность, далъ многимъ изъ нихъ новое, болѣе широкое значеніе, обогатилъ языкъ массой совершенно новыхъ словъ и понятій, далъ ему твердыя фонетическія, морфологическія и синтаксическія формы... Само собой понятно великое значеніе всего этого. Главнѣйшимъ признакомъ національности служитъ языкъ. Онъ является той духовной связью, которая сохраняетъ въ себѣ зародышъ будущей національности народа. Безъ отдѣльнаго языка нѣтъ и отдѣльной, самостоятельной народной жизни, нѣтъ народной исторіи. Языкъ— внѣшнее выраженіе народнаго самосознанія; вотъ почему въ древнемъ славянскомъ языкѣ *языкъ* и *народъ* — значитъ одно и тоже... Славянскіе апостолы работая надъ славянскимъ языкомъ — работали надъ народнымъ самосознаніемъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ заключалось и будущее историческое значеніе труда свв. первоучителей — значеніе въ смыслѣ политическаго объединенія имъ всѣхъ славянскихъ племенъ.

Современная наука преклоняется передъ совершенствомъ перевода, удивляется ему,—готова даже заподозрить его возможность для силъ двухъ человѣкъ. Но не надо забывать, что эти два человѣка были два великихъ, геніальныхъ человѣка, всю жизнь отдавшихъ своему труду и въ совершенствѣ владѣвшихъ всею современною имъ наукою. Они какъ нельзя лучше были подготовлены къ этому дѣлу. Окру-

женные на родинѣ съ дѣтства славянскою рѣчью, они—природные греки — могли скоро и легко въ совершенствѣ изучить и славянскій языкъ; языкъ подлинника и языкъ перевода могли быть для нихъ одинаково родными. Всестороннее блестящее образованіе, особенно младшаго изъ свв. братьевъ (о Меѳодіи имѣется въ источникахъ меньше свѣдѣній), постоянныя научныя занятія впослѣдствіи дали переводчикамъ всѣ недбходимыя для нихъ средства... Трудъ перевода не исключалъ, конечно, и посторонней помощи. У славянскихъ апостоловъ были многочисленные ученики, многіе изъ нихъ были природные славяне,—трудъ перевода могъ въ извѣстной степени облегчаться ихъ участіемъ и помощью...

Не нужно думать, однако, что переводъ св. Писанія въ томъ полномъ совершенствѣ, какъ мы его находимъ въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, рукописяхъ XI—XII вв.,— разомъ вылился такимъ изъ подъ пера свв. апостоловъ, разомъ вышелъ изъ ихъ рукъ вполнѣ готовымъ, неподлежащимъ никакому усовершенствованію. Переводъ совершался постепенно,—былъ дѣломъ всей жизни славянскихъ проповѣдниковъ, и еще при жизни ихъ, при самомъ процессѣ его совершенія, могъ быть постоянно исправляемъ, улучшаемъ, и въ цѣломъ и по частямъ. Что касается постепенности перевода въ продолженіи всей жизни славянскихъ апостоловъ, — на это, при всей запутанности, скученности историческихъ данныхъ, мы находимъ, въ общей ихъ массѣ, довольно ясныя указанія. Я уже упоминалъ объ одномъ „житіи“ св. Константина, гдѣ начало его проповѣди славянамъ и начало перевода для нихъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ относится къ самому раннему періоду его жизни, ко времени еще до путешествія его въ Хозарію; съ другой стороны, въ паннонскомъ житіи Меѳодія прямо говорится, что сначала, при жизни Кирилла, переведены были братьями кни-

ги богослужебныя, номоканонъ и нѣкоторыя отеческія, и только къ концу жизни св. Меѳодія былъ оконченъ полный переводъ всей библіи, кромѣ книгъ маккавейскихъ, которыхъ Меѳодій перевести уже не успѣлъ... При этой постепенности, улучшеніе перевода могло совершаться, повторяю, еще при жизни переводчиковъ, ими самими, — могло происходить, въ извѣстной степени, и въ ближайшее время послѣ ихъ смерти, руками ихъ учениковъ. Сличая древнѣйшія рукописи, нельзя не видѣть въ нихъ усиленной внутренней работы надъ исправленіемъ и улучшеніемъ текста,—которая, очевидно, шла и въ ближайшее время по смерти самихъ переводчиковъ. „Теперь уже нельзя сомнѣваться въ томъ, говоритъ проф. Ягичъ, что какъ глаголическіе, такъ и кирилловскіе тексты, дошедшіе до насъ изображаютъ результатъ усиленной литературной дѣятельности, продолжавшейся съ конца IX и по XI столѣтіе, въ предѣлахъ древней Болгаріи, Македоніи, Сербіи, Босніи, Хорваціи и Далмаціи... Вездѣ черты древнѣйшей паннонско-моравской эпохи сглаживались, малоизвѣстныя формы и слова замѣнялись новыми, лучше извѣстными, замѣчаемыя ошибки и неточности въ переводахъ, раньше сдѣланныхъ, исправлялись, пробѣлы дополнялись“ (*Ягичъ.* Маріинское Четвероевангеліе, съ примѣчаніями и приложеніями. Спб. 1883. стр. 474). Сравнивая древнѣйшія рукописи славянскаго перевода, нельзя вообще не видѣть, какія громадныя затрудненія приходилось преодолѣвать переводчикамъ, и какъ постепенно измѣнялся, улучшался—подъ ихъ же собственными руками или ихъ ближайшихъ учениковъ—ихъ переводъ. Въ самыхъ древнихъ рукописяхъ еще нерѣдко множество греческихъ словъ остается по мѣстамъ не переведеннымъ,—которыя только позднѣе, въ болѣе позднихъ частяхъ рукописи, и не вдругъ, замѣняются соотвѣтствующими имъ словами

славянскими ([1]). Передъ нами открывается какъ бы черновая работа переводчиковъ...

([1]) Такъ въ Маріинскомъ еванг. XI в., въ Добриловскомъ 1164 г., въ Никольск. XI—XII встрѣчаемъ: Іоан. X. 22. *енкениіа—ἐγκαίνια*; въ другихъ древнѣйшихъ спискахъ это слово уже переводится: с в я щ е н і е, о б н о в л е н і е. Въ Маріинск, Ассеманіевск, Зографск, Никольскомъ: Іо. XXI, 7, *епендитомъ, ἐπενδύτην*, въ позднѣйшихъ: *срачица* или *одежда*; въ Маріинскомъ, Остроміровомъ, Ассеманіевскомъ: Лук. I, 5. *отъ ефимърия—ἐξ ἐφημερίας;* Зографское: дьневьныя чрѣды. Въ Маріинск., Зограф., Никольск. Мр. XII, 33: *оловатоматъ*; Ассеманіевск: въсесъжагаемыхъ жрътвъ; въ Остр., Ассеман., Савв. кн: *пира—πῆρα*. въ Маріинс., Зограф: *мошъна, врътишта*; въ Маріинс: сикера—*σίκερα*, въ Зографскомъ: *творена кваса*. Въ Маріинс. ев. остаются непереведенными: *скандълы, отъ скандълъ, сканьдаломъ, скакдаль, сканьдали, скандалисаеть, скандалисати — σκάνδαλον, σκανδαλίζω*, въ другихъ спискахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и того же списка, уже переведено: *съблазны, съблазнити*; Въ Маріинск., Зографскомъ, Ассем: *скуоъль*—лат. scandula, въ Осмр: *покровъ*. *ὑποκριτής* очень нерѣдко въ древнѣйшихъ спискахъ остается не переведеннымъ: *ипокритъ*, хотя въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же списковъ уже передается: *лицемѣръ*. Въ Мар., Зографск, Остром.—уже: *на семъ камени—ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρα*, но въ Ассем и нѣкоторыхъ друг. еще остается: *на семъ петрѣ*; также еще остаются непереведенными въ иныхъ спискахъ слова: *практоръ* (*ὁ πράκτωρ*), *спекоулаторь* (*σπεκουλάτορ*) и др. — хотя въ другихъ древнѣйшихъ уже замѣняются славянскими: *слуга, воинъ, мечьникъ*. Въ Мар., Зогр., Остром. и др: *солило*, но въ нѣкоторыхъ еще: тривлии—*τρυβλίον* и т. д. (См. *Ягичъ*: Маріинск. четвероевангеліе (Codex marianus), Спб. 1883. стр. 471—474). Названія растеній, неизвѣстныхъ славянамъ, вообще остаются непереведенными, — такими остались и въ современномъ текстѣ: Іоан. XII, 2: *приимъши литру міра нарда пистикію* — тѣже слова, въ подлинномъ: *λίτραν μύρου νάρδου πιστικῆς*; или Лук. XIV, 3: *алавастръ міра нардопистикин—αλάβαστρον μύρου νάρδου πιστικῆς; вѣии отъ финикъ—βαία τῶν φοινίκων*... (*Буслаевъ*, 204—205) Какъ трудно было иногда выражать на языческомъ славянскомъ языкѣ духовныя христіанскія понятія, можно видѣть напр. изъ слѣдующаго мѣста фрейзингенскихъ отрывковъ, въ которомъ говорится о христіанской молитвѣ въ церкви: «въ церквахъ ихъ (христ. святыхъ) кланяется и молимся имъ и ч е с т и и х ъ п і е м ъ и о б ѣ т ы н а ш а и м ъ н е с е м ъ о спасеніи тѣлесъ нашихъ и душъ нашихъ...» Въ этихъ словахъ такъ и сквозятъ обряды языческихъ пировъ, на которыхъ древніе славяне-язычники ѣли и пили въ честь своихъ боговъ и героевъ... Христіанскія названія ангелъ, апостолъ, угодникъ — въ той же рукописи передаются такъ: «всѣмъ к р ы л а т ц а м ъ божіимъ (всѣмъ ангеламъ), всѣмъ с л о м ъ божіимъ (всѣмъ апостоламъ), всѣхъ божіихъ м о щ е й (всѣхъ божіихъ силъ, небесныхъ властей, угодниковъ)...

Заканчивая свой очеркъ, не могу еще разъ не бросить послѣдняго взгляда на жизнь и труды славянскихъ апостоловъ. Вступая во второе тысячелѣтіе исторической жизни славянъ и переносясь мысленно за тысячу лѣтъ назадъ, къ эпохѣ жизни славянскихъ просвѣтителей, — мы невольно проникаемся благоговѣніемъ къ ихъ великой и святой дѣятельности. Всю жизнь свою свв. братья отдали въ жертву славянамъ, ихъ христіанскому просвѣщенію, ихъ умственному и нравственному подъему, пробужденію и упроченію ихъ племеннаго и національнаго самосознанія. Ихъ труды дали славянамъ средства къ духовной христіанской жизни, создали имъ національный литературный языкъ, положили краеугольный камень національной общеславянской литературѣ. Призывая славянскія племена къ широкой духовной жизни, давши имъ народное богослуженіе и св. Писаніе на родномъ языкѣ, свв.братья тѣмъ самымъ—впервые заявили идею о религіозномъ единствѣ и политической самостоятельности славянъ. Не даромъ свв. братья всю жизнь вели борьбу за право славянъ читать Библію и молиться на родномъ языкѣ: съ этимъ правомъ соединялось право на народную самостоятельность въ будущемъ!.. Труды славянскихъ апостоловъ безъ пользы погибли для той страны, гдѣ они жили сами и трудились; но ихъ дѣло не погибло для всего славянскаго міра. Обойдя всѣ славянскія земли, ихъ великій трудъ достигъ Россіи — и легъ въ основаніе духовнаго развитія и всей исторической жизни русскаго народа... И русскій народъ не забудетъ своихъ просвѣтителей. Съ благоговѣніемъ вспоминая о ихъ святой дѣятельности, онъ всегда будетъ видѣть въ нихъ своихъ апостоловъ вѣры, просвѣтившихъ его и весь славянскій міръ свѣтомъ Христовой истины, — апостоловъ науки, культуры, первыхъ славянскихъ писателей, создавшихъ славянамъ ихъ національный литературный

языкъ и положившихъ основаніе ихъ національной литературѣ,—наконецъ, онъ никогда не забудетъ въ свв. братьяхъ первыхъ борцовъ за религіозную независимость славянъ, первыхъ страдальцевъ за ихъ духовную свободу!..

